

У Линь Чжоу сегодня был съемочный день исключительно в паре с Фан Сюэцзя. Им предстояло сыграть весь путь их персонажей: от нежных чувств юных лет до щемящей сцены прощания перед тем, как Е Цинлин уведет войска на фронт.

У Вэнь Цзе сегодня не было запланировано сцен, но он все равно пришел на площадку с самого утра. Устроившись в стороне, он молча наблюдал за игрой Линь Чжоу.

Линь Чжоу отчаянно мерз, поэтому его ассистентка Мо Хуань заранее обклеила его согревающими пластырями. Стоило режиссеру объявить перерыв, как девушка тут же подбегала и набрасывала ему на плечи длинный пуховик.

— Брат Чжоу, я тут имбирный отвар приготовил. Будешь? — Вэнь Цзе подошел к нему, бережно держа в руках большой термос.

— Спасибо, не нужно, я уже заварила брату Чжоу горячий кофе, — торопливо вмешалась Мо Хуань, доставая термос Линь Чжоу. — На самом деле он не слишком жалуется имбирь.

— Ой, а мне можно глоточек? — Фан Сюэцзя, которой по роли весь день приходилось щеголять в легком платье, продрогла до того, что губы у нее посинели.

— Он растворимый, но если тебя это не смущает — угощайся, — Линь Чжоу забрал у ассистентки термос, налил кофе в стаканчик коллеги, а затем повернулся к Вэнь Цзе и мягко улыбнулся: — Пожалуй, я все-таки сделаю пару глотков твоего отвара. Спасибо тебе.

— Брат Чжоу... — недовольно надула губы Мо Хуань.

Линь Чжоу слегка коснулся ее руки, призывая к спокойствию. Вэнь Цзе ведь не делал никаких двусмысленных признаний, просто принес горячее питье. Отказаться наотрез у всех на виду означало бы нанести парню смертельную обиду и выставить его на посмешище.

— Огромное спасибо брату Цзе за заботу! — внезапно во весь голос объявила Мо Хуань. — Невероятно вкусный отвар!

— О, имбирный чай? — Услышав это, к ним потянулись другие актеры. Шумная толпа парней мигом слетелась на тепло и в мгновение ока опустошила термос подчистую.

— Как? Уже ничего не осталось? — подошедший чуть позже помощник режиссера заглянул в пустую посуду и разочарованно вздохнул.

— Режиссер, держите! Это вам, — Мо Хуань ловко перехватила стаканчик, который Линь Чжоу еще не успел пригубить, и с милой улыбкой протянула мужчине. — Согрейтесь сначала.

— Чжоучжоу, ну и сокровище тебе досталось! Где ты откопал такую толковую девчонку? — Помощник режиссера, работавший с Линь Чжоу уже на втором проекте, не стал церемониться, принял стаканчик и сделал большой глоток.

— С неба свалилась, — рассмеялся Линь Чжоу и, порывшись в кармане, протянул Мо Хуань плитку шоколада. Вообще-то он разрешил ассистентке без спроса брать любые сладости из тех запасов, что регулярно присылал Цзян Шиянь. Девочка послушно кивала, но на деле оказалась на редкость скромной: все коробки убирала в его гримерку и угощалась только тогда, когда Линь Чжоу сам делился с ней.

— Спасибо, брат Чжоу! — звонко поблагодарила Мо Хуань, принимая лакомство.

— Глядя на вас, можно подумать, будто ты привез на съемки свою девушку, — внезапно подал голос стоявший рядом Вэнь Цзе.

На площадке мгновенно воцарилась неловкая тишина.

Мо Хуань — совсем юная девушка, Линь Чжоу — завидный холостяк. И пускай в шоу-бизнесе никого не удивить мужчинами-актерами с помощницами женского пола, подобные шуточки явно переходили грань приличия. Если бы у девочки и впрямь были какие-то чувства к боссу, такое грубое замечание при всей съемочной группе заставило бы ее сгорать от стыда.

Линь Чжоу неуловимо переменялся в лице. Он редко ввязывался в конфликты, но всегда рьяно защищал своих людей. И в его личной иерархии Мо Хуань стояла куда ближе, чем посторонний Вэнь Цзе.

Не успел он открыть рот, как Мо Хуань сама отрезала:

— Глупости не говорите. С чего бы мне влюбляться в брата Чжоу?

Линь Чжоу мысленно покачал головой. А еще вчера вечером клялась, что обожает только его одного!

— Ох, прямо в сердце ранила, — наигранно вздохнул Линь Чжоу, подыгрывая девчонке.

— Ха-ха-ха! — первой рассмеялась Фан Сюэцзя. — Ну все, Линь Чжоу, твои чары рухнули. А я-то думала, Мо Хуань твоя преданная фанатка. Похоже, ее сердце отдано кому-то другому.

— Да нет же, вовсе нет! — замахала руками Мо Хуань. — Я обожаю брата Чжоу! Просто я не «подружка-фанатка», я — «мамочка-фанатка». Моя любовь к нему — это чистая материнская забота о любимом сыночке.

От такого признания Линь Чжоу чуть не поперхнулся воздухом, а половина парней, шумно тянувших имбирный отвар, едва не брызнули им во все стороны.

— Мелкая, тебе самой-то сколько лет, чтобы в «мамочки» записываться? — обреченно покачал головой актер.

— Мой нежный возраст никак не мешает мне испытывать к вам материнский инстинкт!

Линь Чжоу лишился дара речи.

Вся съемочная площадка покатила со смеху.

— Так, шутки в сторону! Готовимся к следующей сцене. На повестке дня — безудержная страсть! — скомандовал помощник режиссера, утирая рот рукой.

Окружающие снова дружно расхохотались.

— Это, между прочим, самый откровенный эпизод во всем сценарии. Так что выложитесь по полной.

Линь Чжоу стянул пуховик, бережно передал его ассистентке и вместе с Фан Сюэцзя направился к декорациям.

Мо Хуань, прижимая к себе теплую куртку актера, осталась стоять рядом с Вэнь Цзе.

Покосившись на помрачневшего парня, она хитро прищурилась и вполголоса напела старый мотив:

— «Одолжи мне, небо, зоркий взгляд, чтобы разглядеть, кто друг, кто враг, кто любит искренне, а кто лишь прячет маску...»

Вэнь Цзе до побелевших костяшек сжал кулаки и, не проронив ни слова, поспешил скрыться.

Рядом послышался тихий смешок. Мо Хуань удивленно обернулась. Того, кто рассмеялся, она разглядеть не успела, зато ее взгляд наткнулся на стоявшую поодаль фигуру. Мужчина с абсолютно непроницаемым лицом смотрел на съемочную площадку.

Пресвятые угодники!..

Цзян Шиянь?!

У нее внутри словно петарда разорвалась. Откуда здесь взялся генеральный директор «Хуашан»?! Что он забыл на съемочной площадке заштатного городка?!

— Господин Цзя...

— Тс-с, — прижал палец к губам исполнительный продюсер, сопровождавший высокопоставленного гостя.

Цзянь Шиянь застыл на месте, не отрывая ледяного взгляда от играющих в кадре актеров.

«Самая откровенная сцена», о которой шутила вся группа, на деле представляла собой классический драматический эпизод: Е Цинлин прощается со своей возлюбленной перед отправкой на фронт.

Облаченный в шинель благородного мышиного цвета и идеально отглаженные галифе, Линь Чжоу казался невероятно статным. Кожаный армейский ремень туго перетягивал его тонкую талию, подчеркивая безупречную осанку и длинные ноги. Правильные, утонченные черты его лица удивительно гармонировали с мужественным военным образом. Эта форма шла ему настолько, что от него буквально невозможно было отвести глаз.

Линь Чжоу стоял лицом к Фан Сюэцзя. Девушка была одета в изящное платье эпохи Китайской Республики, а аккуратная укладка придавала ей вид благородной и хрупкой барышни из приличной семьи.

— Цинлин, умоляю тебя, береги себя, — сдерживая слезы, дрожащим голосом произнесла Маньчжи. В ее покрасневших глазах читалась невыразимая боль, но она упрямо заставляла себя казаться сильной. — Я буду преданно ждать твоего возвращения.

Е Цинлин ласково коснулся пальцами ее щеки, смахивая одинокую слезинку, и тихо пообещал:

— Жди меня. Я вернусь.

Он бережно сжал ее хрупкие пальцы в своих ладонях и запечатлел на тыльной стороне ладони нежный, долгий поцелуй. В этот момент плотина девичьей стойкости рухнула, и по ее лицу хлынули слезы. Цинлин порывисто прижал ее к своей груди и горячо прошептал на ухо:

— Клятву, что дал тебе в детстве, никогда не нарушу.

— Снято! — зычно скомандовал режиссер. — Отлично, ребята, просто отлично. Теперь сделаем еще один дубль поцелуя. Нужен крупный план рук.

Едва прозвучала команда «Мотор!», Линь Чжоу вновь послушно склонился над ладонью

актрисы, касаясь ее губами.

Мо Хуань в панике прикусила палец и искоса глянула на Цзян Шияня. Кажется, ее сердце сейчас проломит грудную клетку.

Отсняли еще несколько деталей с разных ракурсов, и режиссер благосклонно кивнул:

— Замечательно. На сегодня с этой сценой закончили, перерыв.

Актеры облегченно рассмеялись. Фан Сюэцзя с улыбкой вскинула голову и тут же замерла: неподалеку от камер стоял сам Цзян Шиянь. Мимолетное замешательство на ее лице мгновенно сменилось сияющей улыбкой. Накинув пуховик, она поспешила навстречу боссу:

— Господин Цзян! Какими судьбами?

Услышав это имя, Линь Чжоу почувствовал, как сердце предательски пропустило удар. Он медленно обернулся и столкнулся взглядом с высоким мужчиной в строгом черном пальто. Тот стоял неподвижно, не сводя с него глаз.

Линь Чжоу тихо выругался про себя.

«Какого черта он тут делает? И почему ни единым словом не обмолвился?!»

— Господин Цзян привез для всех угощение! — зычно объявил продюсер, привлекая внимание группы хлопками в ладоши. — Разбирайте перекус, перерыв тридцать минут!

Отовсюду посыпались радостные благодарности, и уставшие киношники гурьбой двинулись к столам с кейтерингом.

— Господин Цзян, вы решили лично навестить меня на съемках? — кокетливо спросила Фан Сюэцзя, укутываясь в пуховик, поданный ее ассистенткой.

В касте картины числилось несколько подопечных агентства «Хуашан», но право напрямую обращаться к генеральному директору имела только она — актриса первого эшелона.

— Брат Чжоу, брат Чжоу! — взволнованно зашептала подбежавшая Мо Хуань. Помогая ему влезть в куртку, она едва сдерживала бурю эмоций: — Это же сам Цзян Шиянь! Великий и ужасный глава «Хуашан»! Он... он что, приехал ради Фан Сюэцзя?!

— А ради кого еще, по-твоему? — хмыкнул Линь Чжоу, скосив на нее глаза.

— Оу... — разочарованно протянула ассистентка, сразу погрузнев. — Вот оно как...

Тем временем Цзян Шиянь и Фан Сюэцзя уже развернулись и направились в сторону павильонов.

Линь Чжоу лишь недовольно дернул плечом.

— Брат Чжоу!

Обернувшись на знакомый голос, Линь Чжоу приветливо улыбнулся:

— Цзи Вэнь! И ты здесь?

Мо Хуань сразу узнала вошедшего — именно этот мужчина тихо посмеивался у нее за спиной пару минут назад.

Цзи Вэнь торопливо подошел ближе и, убедившись, что до них никому нет дела, заговорщически подмигнул:

— Идем скорее. Мы привезли тебе кое-что невероятно вкусное.

Вслед за Цзи Вэнем Линь Чжоу и Мо Хуань направились в гримерную Фан Сюэцзя. Чжоу рассчитывал застать там тишину и покой, но, к его удивлению, внутри уже расположились Цзян Шиянь и сама хозяйка комнаты.

Линь Чжоу замялся на пороге. Цзян Шиянь медленно окинул его взглядом с ног до головы, но промолчал. Чжоу поймал этот тяжелый взор, тут же отвел глаза в сторону и неловко кашлянул. Все-таки они не виделись больше двух недель, и теперь между ними невольным образом возникло странное, почти робкое напряжение.

Не став разыгрывать официальное приветствие, Линь Чжоу по-хозяйски прошел вглубь комнаты и опустился в мягкое кресло.

Фан Сюэцзя растерялась от такой бесцеремонности. Она порывалась было сделать замечание незваному гостю, но, заметив абсолютное спокойствие генерального директора, проглотила слова обиды и лишь молча наблюдала, как Линь Чжоу устраивается поудобнее.

Зашедшая следом Мо Хуань замерла у двери, чувствуя себя крайне неудобно. Что вообще здесь происходит? Почему ее скромный босс ведет себя так, словно он здесь главный?

Цзян Шиянь наконец оторвал взгляд от Линь Чжоу и, слегка кивнув актрисе, ровным голосом

произнес:

— Продолжай.

— А, да, — спохватилась та, поспешно возвращаясь к прерванному разговору. — Сценарий этого проекта мне уже показывал брат Лян. Персонаж крайне неоднозначный, и у публики он может вызвать много вопросов. Если честно, я сомневаюсь, стоит ли соглашаться на эту роль. Хотелось бы узнать ваше мнение, господин Цзян.

Тем временем Цзи Вэнь принялся один за другим выставлять на чайный столик объемистые термосы с едой. Линь Чжоу тут же принялся ему помогать, с нетерпением свинчивая крышки. От аромата потекли слюнки: внутри оказались его самые любимые домашние блюда — нежная курица на пару в рисовой муке, хрустящая утка, свинина в кисло-сладком соусе с ананасами и сочные свиные ребрышки.

Линь Чжоу удивленно приподнял брови. Он подцепил палочками кусочек мяса, отправил в рот и замер от удивления — этот неповторимый вкус невозможно было перепутать ни с чем. Так готовить умела только его мама.

— Твоя матушка вчера всю ночь у плиты стояла, — заговорщически прошептал присевший рядом на корточки Цзи Вэнь. — Побоялись, что в самолет со всеми этими контейнерами нас не пропустят, поэтому мы с господином Цзяном рванули на машине. Семь часов в пути! А вот здесь, смотри, суп из свиных ножек с арахисом и дудником — томился на медленном огне полдня. Ешь скорее, пока горячий, остынет — будет не то.

Аромат домашней еды мгновенно заполнил прохладную гримерную. Из-за скудного и однообразного меню киноэкспедиции Мо Хуань уже забыла вкус нормальной пищи, поэтому при виде этого пиршества ее желудок предательски и очень громко заурчал.

Говорившая в этот момент Фан Сюэцзя осеклась. Покрасневшая до корней волос ассистентка принялась торопливо кланяться и извиняться за конфуз.

Линь Чжоу лишь добродушно улыбнулся и поманил девушку рукой, приглашая сесть рядом. Приняв из рук Цзи Вэня чистую пиалу, он щедро налил ей наваристого бульона, вручил палочки и негромко скомандовал:

— Садись и ешь, давай. А то остынет.

Мысль Фан Сюэцзя окончательно спуталась. Линь Чжоу, спохватившись, что уплетать домашние деликатесы в чужой гримерной без приглашения хозяев не совсем вежливо, повернулся к ней:

— Сестра Сюэ, не желаешь присоединиться? Еды очень много.

— Нет-нет, спасибо... Кушайте, не отвлекайтесь, — опешив, выдавила актриса.

— Ну, тогда мы начнем, — простодушно отозвался Линь Чжоу.

В следующую минуту они с ассистенткой набросились на еду с таким рвением, словно только что сбежали из глухого леса, где голодали неделю.

Мо Хуань, не в силах оторваться от еды, лишь с набитым ртом восторженно показывала боссу большой палец.

Линь Чжоу победоносно сощурился — еще бы! Мамину стряпню ни один ресторан мира превзойти не сможет.

— Твой агент просил передать тебе эти два рекламных контракта. Думаю, он уже ввел тебя в курс дела. Ознакомься и подпиши, — ровным тоном произнес Цзян Шиянь. Он обращался к актрисе, однако его взгляд то и дело против воли соскальзывал в сторону жующего Линь Чжоу.

Образ статного офицера сидел на юноше настолько безупречно, что оторвать от него взгляд стоило огромных усилий.

Почувствовав на себе пристальное внимание, Линь Чжоу оторвался от пиалы. Встретившись глазами с Цзян Шиянем, он забавно сморщил нос, выражая свое легкое недовольство его молчаливостью.

Уголки губ Цзян Шияня едва заметно дрогнули в теплой улыбке.

Фан Сюэцзя, заметившая эту мимолетную безмолвную пантомиму, едва не лишилась дара речи от потрясения. Впрочем, многолетний опыт выживания в жестоком мире шоу-бизнеса научил ее главному правилу: помалкивать и не совать нос в чужие секреты. Сделав глубокий вдох, она с самым невозмутимым видом уткнулась в документы.

— Команда Сяо Жаня сейчас разрабатывает новое развлекательное шоу. Съемки стартуют сразу после Нового года. Твой рабочий график уже скорректировали под этот проект.

— Что за формат? — поинтересовалась актриса.

— Подробности Сяо Жань пока не раскрывает, обсудите это позже лично. А сейчас подпиши бумаги.

Фан Сюэцзя порывалась расспросить детальнее, но по холодному лицу босса поняла, что аудиенция окончена. Спорить с высшим руководством — себе дороже, права голоса в таких вопросах у нее все равно не было.

Наблюдая за этим деловым разговором, Линь Чжоу лишь покачал головой. Типичный суровый деспот-руководитель, никакого сочувствия к хрупким женщинам.

Расправившись с ужином, Линь Чжоу с блаженным вздохом откинулся на спинку дивана. Как же давно он не ел ничего подобного! Внутри разлилось приятное тепло, а на душу легла тихая тоска по дому.

Цзян Шиянь молча поднялся с места, подошел к кулеру, набрал стакан теплой воды и, вернувшись, протянул его юноше.

Линь Чжоу принял стакан и заглянул мужчине в глаза:

— И все-таки, зачем ты приехал?

Раз уж Цзян Шиянь позволил себе проявить такую заботу при Фан Сюэцзя, значит, скрывать их давнюю дружбу он больше не планировал. А раз так, то и Линь Чжоу не видел смысла жеманиться.

Цзян Шиянь бросил короткий, тяжелый взгляд на его испачканные соусом губы, а затем сухо отвернулся, проигнорировав вопрос.

Линь Чжоу недоуменно изогнул бровь. И какая муха его укусила?

Когда актриса поставила финальную подпись, Цзи Вэнь аккуратно забрал бумаги. Цзян Шиянь, накинув пальто, не оборачиваясь, бросил на прощание:

— И впредь думай, что публикуешь в социальных сетях. Если снова угодишь в скандал из-за собственной глупости, имей в виду — у агентства нет лишних денег на зачистку поисковых запросов.

— Я поняла, — понуро кивнула Фан Сюэцзя. Несколько дней назад, когда вся страна скорбела по поводу памятной даты, она не подумав выложила в сеть кокетливое селфи. Разумеется, гнев патристически настроенных пользователей интернета не заставил себя ждать, и компании пришлось изрядно попотеть, чтобы замаять скандал.

— У тебя на сегодня всё? — спросил Цзян Шиянь своего помощника.

— Да, съемки на сегодня окончены, — ответила вместо него Фан Сюэцзя и робко взглянула на часы. — Время уже позднее. Может, поужинаем вместе?

— Не стоит, — отрезал Цзян Шиянь. Он подошел к дивану, где лениво развалился сытый и довольный Линь Чжоу, и легонько подтолкнул его мыском ботинка в ногу: — Вставай. Поехали.

Линь Чжоу упрямо мотнул головой:

— Иди-иди, мы с вами, господин генеральный директор, едва знакомы.

Он прекрасно понимал: на выходе из павильона Цзян Шиянь наверняка караулит толпа из режиссеров, продюсеров и вездесущих репортеров, наводнивших съемочную площадку в последние дни. Появись они перед камерами вместе — и завтрашние заголовки таблоидов преподнесут им крайне неприятный сюрприз.

Мужчина не стал настаивать и без лишних слов покинул комнату в сопровождении Цзи Вэня.

Стоило двери захлопнуться, как Линь Чжоу и Мо Хуань, не сговариваясь, принялись поспешно упаковывать остатки пиршества обратно в контейнеры. Разогреть в микроволновке — и получится шикарный ночной перекус.

— Линь Чжоу, — не выдержала Фан Сюэцзя, во все глаза наблюдая за его хозяйничаньем. — Вы с господином Цзяном... настолько близки?

— Ну да, с самого детства дружим, — беспечно отозвался тот, защелкивая крышку термоса.

— А-а, теперь понятно, — заметно расслабилась девушка. — А то я удивилась, откуда между вами такая простота в общении.

Линь Чжоу лишь загадочно улыбнулся в ответ.

У Мо Хуань от переизбытка эмоций так сильно дрожали руки, что она никак не могла завинтить крышку на контейнере.

Заметив это, Линь Чжоу отобрал у нее посуду и подозрительно прищурился:

— Ты чего разволновалась? Неужели мамины ребрышки довели тебя до слез?

Мо Хуань посмотрела на него влажными от восторга глазами:

— Брат Чжоу, тебе не понять...

"Мой дорогой мальчик, — мысленно вопила она. — Тебе никогда не постичь того счастья, когда на твою шипперскую душу внезапно обрушивается целая лавина сладчайшего канона!"

Худшие опасения Линь Чжоу подтвердились: едва Цзян Шиянь показался на пороге, его тут же плотным кольцом обступили местные воротилы, наперебой зазывая на званый ужин. Впрочем,

генеральный директор холодно отклонил все приглашения, сел в ожидавшую его машину и уехал вместе с Цзи Вэнем.

Сам Линь Чжоу незаметно проскользнул в свою гримерную, переоделся в привычную гражданскую одежду и лишь тогда покинул территорию съемочной площадки.

Отъехав от киностудии на пару километров, он попросил водителя притормозить. Высадив Мо Хуань у отеля, где разместили съемочную группу, Линь Чжоу пересел в неприметную черную «Ауди», припаркованную у обочины.

Провожая машину взглядом, Мо Хуань заметила за рулем Цзи Вэня и в изнеможении прижала ладонь к груди. Ее фанатское сердце было на грани инфаркта.

Оказавшись в номере, который снял Цзян Шиянь, Линь Чжоу стащил маску и только собрался облегченно вздохнуть, как шедший следом мужчина бесцеремонно схватил его за плечи и толкнул в ванную комнату.

— Эй, ты чего творишь? — возмутился юноша, сердито сверкнув глазами.

Цзян Шиянь промолчал. Он молча распечатал дорожный гигиенический набор, выдавил на щетку пасту и протянул ее Линь Чжоу.

— И зачем мне это? — буркнул тот.

— Чисти зубы, — ледяным тоном скомандовал мужчина.

Линь Чжоу опешил.

"Он что, намекает, что у меня изо рта разит?!"

Рука Линь Чжоу уже непроизвольно сжалась в кулак, но в следующую секунду в голове промелькнула догадка. Гнев мгновенно улетучился, уступив место обреченному вздоху. Ворча под нос проклятия, он послушно забрал щетку и принялся усердно чистить зубы.

"Ладно уж, сделаю скидку на то, что у тебя явные проблемы с головой".

Кое-как закончив процедуру, он прополоскал рот, вытерся полотенцем и повернулся к мучителю:

— Все, доволен?

Цзян Шиянь несколько секунд гипнотизировал взглядом его влажные, припухшие губы, а затем... вновь потянулся к тюбику и щедро выдавил на щетку еще одну порцию пасты.

Линь Чжоу лишился дара речи.

"Сделай глубокий вдох, Чжоу. Дыши ровно. Терпи".

В конце концов, этот безумец провел за рулем семь часов только для того, чтобы привезти ему мамину стряпню. Ради вселенского мира можно и уступить его капризам.

На этот раз Линь Чжоу подошел вплотную и принялся демонстративно, с вызовом тереть зубы прямо перед его носом. Цзян Шиянь, привалившись плечом к раковине, молча наблюдал за этой картиной. Его темные глаза опасно поблескивали.

Сплюнув пену, Линь Чжоу тщательно прополоскал рот, отшвырнул щетку и, зачерпнув ладонями холодную воду, умылся.

Когда он выпрямился, Цзян Шиянь все так же возвышался на пороге, преграждая путь. Линь Чжоу попытался оттолкнуть его с дороги, но мужчина даже не шелохнулся. Вместо этого он ровно произнес:

— Еще раз.

— Цзян Шиянь! Ты совсем берега попутал?! — не выдержал наконец Линь Чжоу. — Еще одна дурацкая выходка, и я тебе врежу! Подумаешь, коснулся губами руки в кадре, трагедию мирового масштаба тут устроил!

Мужчина опустил взгляд и едва заметно поджал губы, мысленно соглашаясь, что его ревность сейчас перешла все разумные границы.

Он послушно отступил в сторону, освобождая проход. Линь Чжоу злобно зыркнул на него и уже шагнул было к выходу, как вдруг сильные руки перехватили его поперек талии и резко впечатали спиной в холодный кафель стены.

— Какого... — Договорить ему не дали — властные губы грубо прервали возмущенный возглас.

Не разрывая поцелуя, Цзян Шиянь вслепую нащупал торчащую в слоте у двери карту и резко выдернул ее. Номер мгновенно погрузился в крошечную тьму.

В тишине ванной отчетливо слышалось лишь их прерывистое, тяжелое дыхание. Линь Чжоу попытался упереться ладонями в его грудь, чтобы оттолкнуть, но Цзян Шиянь жестко перехватил его запястья, лишая возможности шевельнуться.

Перед глазами тут же всплыло воспоминание о том злополучном дне, когда Цзян Шиянь точно так же лишил его воли на диване. Разозлившись на собственную слабость, Линь Чжоу принялся отчаянно вырываться.

Неожиданно хватка ослабла. Мужчина отстранился от его губ и, уткнувшись лбом в плечо юноши, хрипло прошептал на ухо:

— Пожалуйста, не двигайся. Я ничего не сделаю. Просто дай мне тебя обнять.

Линь Чжоу замер. Гнев уступил место замешательству; он совершенно не понимал, как реагировать на эту неожиданную уязвимость.

Напряжение в теле Цзян Шияня постепенно растаяло. Его стальные объятия стали мягкими и бережными — он лишь прижимал Линь Чжоу к себе, словно величайшую драгоценность.

Линь Чжоу шумно сглотнул. В непроглядной темноте отключилось зрение, обострив остальные чувства до предела. Он не видел лица друга, но кожей ощущал его дыхание — горячее, постепенно выравнивающееся.

Помедлив несколько секунд, Линь Чжоу медленно поднял руки и обхватил ими широкую спину мужчины в ответ.

Почувствовав ответную ласку, Цзян Шиянь чуть повернул голову. Его губы едва уловимым движением коснулись губ Линь Чжоу. Тот непроизвольно напрягся.

Однако продолжения не последовало. Мужчина не пытался углубить поцелуй, лишь мягко, ласково очерчивал контур его губ, бережно сминая их своими.

В этом жесте не осталось и следа от прежней пугающей ярости. Сейчас Цзян Шиянь целовал его так трепетно и нежно, словно молил о прощении.

Пульс Линь Чжоу стучал в висках оглушительным набатом. В темноте каждое прикосновение казалось невероятно острым. Постепенно его сопротивление растаяло — он закрыл глаза и крепко сжал пальцами плотную ткань его пальто.

Когда они наконец отстранились друг от друга, Линь Чжоу тяжело дышал. Его щеки пылали так немилосердно, что, будь в комнате свет, он наверняка сгорел бы от стыда.

Нащупав ботинком его голень, он несильно, но ощутимо пнул его и сердито проворчал:

— А ну пусти меня.

Вместо ответа Цзян Шиянь приподнял руку и бережно провел большим пальцем по его влажным губам. Линь Чжоу дернул головой, уклоняясь от ласки, и строго предупредил:

— Хватит дурака валять.

На этот раз мужчина действительно отпустил его. Линь Чжоу несильно толкнул его в грудь, выбираясь из ловушки, и торопливо вышел в полумрак гостиной.

<http://bllate.org/book/18995/1955824>